Сказки нашего двора культура - 1998 - 30 июля - 5 отв.

Обзор опериого сезона

Общая панорама московского оперного сезона такова: певолюций не случилось, новые звезды на зажглись, соотношение сил прежнее Разве что "Новая опера" ушла в тень, не выдав ни одной премьеры. Но это в связи с перевздом, который, как известно, разняется одному пожару (в отличие от Камерного театра Покровского, тоже справившего в минувшем сезоне новоселье, у колобовцев старов помещение реквизируют, следовательно, переезд проходил по полной программе. Но и при этом коекакие заготовки на следующий сезон здесь делались, речь в первую очередь о "Борисе")

Московские театры по-прежнему пополняют свой репертуар из отвчественных и итальянских источников. Лишь два театов осчастливили публику свиданием с французами - Музыкальный имени Станислаеского и Немировича-Ланченко, поставивший в разгар сезона "Таис" Массне, и "Геликон", в июле начерно "прогнавший" "Сказки Гофмана" Оффенбаха (но официвльно принадлежащие уже следующяму свзону, в наш обзор они не войдут). Оперу XX века решился вспахать лишь Большой теато, он жа несмело колнул почти не трону-TV/O V НВС ЦВЛИНУ СТВДИННОЙ МУЗЫки. Рекордоменом по числу премьер стал маленький "Геликон" восемь, включая детскую, учебную и восстановления. За ним идет Большей со своими четырымя оперными. Музыкальный с тремя и театр Покоовского с одной. С бухгалтепией все. Время искать рекордсменов по качеству

Смирительная рубашка для "Геликона"

Известный столичный хулиган (имеется в виду театр) в минувшем сезоне был принят в клуб джентльменов - геликоновский лидео Дмитрий Беотман получил национальную премию "Золотая маска" как лучший постановщик (что я бы. скорее, отнесла на счет масштабоя нашей бедности на режиссеров. чем на режиссерский масштаб главного геликоновца. И в самом деле, на Москве - уже дважды обласканный "Маской", и ло праву, Титель, наглухо закутанный а тогу классика Покровский и Бертман. где-то в недрах Камерного театпа затерялся талант Кислярова, никак не прорвется к зрителю даровитая Налетова из Музыкального... вое). Но если лавровый венск для Бертмана-режиссера - вещичка великоватая, то Бертману-продюсесу он в самый раз. Потому что так бластяще осганизовать театральнов пречисиятия, да в наших условиях, может только талант в указанном роде, и талант незаурядный.

Эдесь сколько премьер заявлено, столько и сделано (об их количестве уже сказано). Гастрольные навзды театра "туда" не редкость. визиты гастролеров, как певцов. так и постановщиков "оттуда", обычное дела (кто еще в Москве этим похвастается?). Здесь проходят выставки и инструментальные концерты, Оперный центр Казарновской устраивает мастер-классы Скотто и Дорнеманн, Ирина Архилова - свой телеконкуюс. Столичных художественных акций, в которых участвуют геликоновцы, - не счесть. Цветник из новых русских бомонда и посольских, неизменно раскидывающийся на мероприятиях "Геликона", довершает картину бысшей ключом жизни маленького тватра (словом, и у нас есть свой Гергиев - культуртрегер, соединивший в себе таланты художника и бизнасмена в соответствующем масштабе, конечно). Добавим, что все это не лирическое отступление, а составляющие геликоновского свзона. И перейдем к его главному событию

А таковым, на мой взгляд, является не забойно-зпотическая, купированная почти наполовину "Царская невеста в постановке Бертмана и не изнасилованная "по Фрейду" французом Криефом "Исланта" - они в привычном геликоновском стипе. Они здесь норма. которая всегда бодрит, но уже не удивляет, Удивил незатейливый и свежий, как шечки первокласскицы. "Севильский цирюльник", с итальянскими постановщиками в роли главных героев. Что режиссер с репутацией экспериментатора Андреа ди Бари, что дирижер-букаред Энрике Маццола – оба склонили голову перед Россини, поверпнув тем самым, надо полагать, в шок самих любителей эпатажа, гелико-

HORLIEB. "Слишком много интерпретаций и слишком мало просто точного исполнения", - фраза, без устали повторяемая незабвенной Ренатой Скотто на своих мастер-классах, и о "Геликоне" тоже. Теперь здешних оригиналов заставили петь и играть что в оркестре, что на сцене так, как велит автор (либретто, дорогие пусские синьоры, не перекраиваем, кулюры раскрываем, крутые постановочные навороты -- от держим легков дыханив, звук не форсируем, ансамбль - это когда друг друга слушают, а не быотся за пальму первенства, речитатив это не досадная напрузка к арии, а звхватывающий мини-спектакль и т.д.). В результате "Севильский"

вышел аткрытым урском по росси-

но назвать занятием перманент-

ным. (Очень звали Зиву, но тщетно. На постановке "Таис" в этом году с ним в качестве приглашенного дирижера, наконец, встретились, но искры - вот оно! родственные души! - судя по всему не высеклосы) Словом, тватру далеко до покоя. Но постановки.

ниевской стилистике и "камерной"

актерской игре. но тем и стал инте-

ресен - когда-то еще увидишь сми-

ренных геликоновцев, которых, ка-

жется, впервые заставили усом-

ниться в непогрешимости того, что

Не побоявшийся объявить себя

музыкантом-ремесленником Мац-

цола - теперь главный приглашен-

ный дирижер "Геликона" (яй да

Бертманії. Поистине благая весть.

дающая надежду, что геликонов-

ские музыкальные тореадоры бу-

дут постепенно превращаться в му-

Музыкальный

в отсутствии

главного дирижера

и в присутствии

классика

Странным образом в этом сезо-

не он напоминал сытого, довольно-

го бюргера. Конечно, коллекция

"Золотых масок", завоеванная им

за последние два года, к довольст-

ву располагает, но, с другой сторо-

ны, театр прямо накануне первой

премьеры сезона, "Сказки с царе

Саптане" оказался без главного

дирижера, в сердцах отказав от

пульта Владимиру Понькину, кото-

рого карьера дирижера симфонис-

та манила куда больше. Впрочем.

пребывания Понькина (как и его

предшественника Г.Проваторова)

на высоком посту для Музыкально-

го судьосносным не было, и поиск

главного здесь, пожалуй, уже мож-

они делали до сих пор

зыкальных гурманов.

Попурри из нежной песни о Божественном промысле и удалого "ай люли" под названием "Сказка о царе Салтане" вполне подходило для празднования юбилая первопрестольной, невольно погав едва ли не на все сто в московский стиль нового времени (образчик которого - убранство Манежной площади). Но ведь зачем-нибудь этот "Салтан" был поставлен, и еще - Титель конъюнктурными пу-

стяковинками не занимается. Навернов, для того же, для чего ставил свою "Таис" и приглашенный сюда Борис Александрович Покровский. - чтобы дать публике красоту, любовь и веру. Но в тителевском "Салтане" из-за означенного исполнения эти слова влоуг стали отдавать заурядным "Kuche Kinder, Kirche". A v Покровского обрели форму сладкого моралите в духе мыльных ТВ-опер (но тут уж постановшику помог композитор Массне). Сверх того, захотев дать альтернативу пороку - прежде всего тому, который в реальной жизни, мэтр не избегнул и типичного искуса. Порок в его спектакле вышел куда аппетитнее и органичнее. чем добродетель с фанатичным блеском в глазах, нечесаной

Сцена из спектакля "Любовь к трем апельсинам" поивой и театрально-патетической

> пластикой Легкие сказочки предложил Му ыкальный театр в этом сезоне, котя, подозреваю, воеся не скаочки желал первоначально прокавости на свет. (Краткие влечатления о припозднившейся премьее "Любовного напитка" - на 1-й границе).

Революционеры в объятиях рынка

Пока Борис Покровский гостеал на дружественных сценах - в Большом и Музыкальном, его собтвенный театр в этом сезоне, квжется, совершенно влад в депрессию. Несмотря на обретение зва-Ния "академический" и новое долгожданное помещение в центре Москвы. Из списка с осторожностью и оговорками обнародованных задумок на сезон осуществиушсь лишь одна: Михаил Кисляbов исполняя мечту матра, поставил крохотную любительскую оперу Кюи "Сын мандарина". На остальные постановки, в частности "Коронацию Поппеи" Монтеверди, за которую собирался браться сам чато, говорят, не нашлось денег (Камерный, к слову, едва ли не одинственный из столичных театров, за исключением, конечно, Большого, еще не перебрался под крыло рачительного и щедрого мэра). Но если бы дело было в одних деньгах или таком объективном обстоятельстве, как отнимающая силу работа по адаптации старых спектаклей к новой сцене! Единственная премьера сезона примеру, прокофъевская "Любовь 1997/98, ставшая милой бездел-

кой "на один день", как и предыдушие несколько премьер, - прямое отражение непоитязательного состояния труппы, давно не чувствующей аромата музыки и лицедействующей в духе балаганного тентрика. Главный революционер устял и не знает, как бороться за публику в условиях дикого рынка (всю жизнь публика боролась за него). "Я дам вам успокоительтное". - решает он. Но почему раздираемые противоречиями, напуганные и затравленные граждане не приладают в массовом порядке к его чаше? Почему другие источники манят их больше?.. Если бы Борис Александрович влил в жилы своего сникшего дитятки (некогда бывшего властителем дум) новую кровь, двв карт-бланш молодым - режиссерам, дирижерам, сценографам! Но он отмахивается ут них. Законный вопрос "Сколько мне заплатят за постановку?" вызывает в нем гнев. В вопросе "Как попасть в Большой на ваши репетиции?" вму слышится меркантипьный а не какой-нибудь доугой интерес. Не верит, Закрылся,

Кто на свете всех милее. всех прекрасней и белее?

Большой. Во всяком случае, Владимир Васильев всецело довопен итогами прошедшего сезона: и свое высокое реноме театр возвратил, и ни за одну премьеру не стыдно. Но не исключено, что тот, кто не так по-отечески горячо, как он, обожают Большой, с ним и нв согласится. Репертуарная политика, к примиру, кому-то может локезаться не политикой, а гаданием на кофейной гуще, или вокальный уровень труппы - вовсе не таким уж высоким. И главное, основания

для сеи обидной крамолы - есть. Вопрос: почему эти, а не другие оперные премьеры явились в сезоне? Глядишь на афишу какого-нибудь маленького "Геликона" - политика налицо. От раритетов и изысканных миниатор отказались "не наш стиль, и публику не собоать"), играют большие шлягеры, но - и в этом изюминка - в спичечном коробке и в такой интеппреташии, что вовек не забудещь. Политика есть у реликана Мариинского. Здесь честят впечатляющие монотрафические линии – весь оперный Мусоргский, в ширском развороте Римский. Вягнев, открыли постояннис "школу" оперы XX века - для рублики и исполнителей. А почему

под нашей квадригой появилась, к но-нервным вещичкам вроде мок трем алельсинам"? Вероятнее всего, потому, что на

зультат - Рудин был отстранен по-

сле первой генеральной (спек-

такль подхватил другой дирижер),

стиль Паизиелло остался для ис-

полнителей и публики тайной за

семью печатями... Кстати, идея ин-

тересного по сути эксперимента ге-

нерировалась не без участия Пете-

са Феранеца, ныне экс-худрука

габтовского оркестра. Москва его

так и не полюбила - другая порода.

В облике холодный лоск, на челе

печать высокомерия, к масштаб-

ным доаматургическим разворо-

там неспособен. Зато он имел вкус

к эпегантно-куртуазным и утончен

нем остановил свой выбор Питер Устинов. В данном случае для Васильева важно было заманить мировую знаменитость в исполнение своего плана "Большой для больших звезд", в что звезда станет ставить - дело второе. Появление "Фольчески да Римини" (третьей за последние лет 20) спровоцировал. скорее всего, рахманиновский юбилей. Но почему вместо запланированного "Моцарта и Сальери" явилась "Норма"? А пришли Марина Мещерякова и Михаил Агафонов. снискавшие шумный успех в шведской "Норме", и сказали: "Давайте мы и дома это споем". И - да здравстеует Беллини! Заявляли "Бори-Большого? са" в постановке Валерия Фокина но вдруг явилась идвя сделать бенефис Зураба Соткилавы, и вместо "Бориса" перед публикой предстала "Прекрасная мельничиха" Пакзиелло (волоча за собой шлейф скандалов)... Похоже, идет простой набор репертуара методом "тыка" и в безотходном режиме: вся, что окажется малопригодным для большой сцены, можно будет перенести в филиал. Хотя, например такой Паизиалло, который явился в Большом под конец сезона, едва ли украсит даже провинциальный театр. Но этой истории если и следует коснуться, то отнюдь не в рецензиснном аспекте. Суть ее в сомнительном гибриде той готовности к самым смелым экспериментам, которую продеменетрировали в Большом, и того отчаянного легкомыслия, с которым здесь на риск пошли. Осоянав необходимость специалиста по ау тентизму в работе над оперой XVIII века, пригласили дирижера аж из мира камерного исполнительствачесть вам и хвала. Но не учли отсутствие театрельного опыта у замечательного во многих отношениях музыканта Александра Рудина, его нетватральный темперамент и то, что аутантизм - не та коепость. которую можно взять с наскока, за месяц-другой нечастых встреч. Ре-

нартовской "Свальбы Фигаро" или пуччиниваской "Богемы". Но все это элегантное и нервическое все равно сдадут в филиал, который ведь когда-нибудь появится. А большой сцене понадобятся мощь, страсть, длинное горячее дыхание, Словом, с Феранецем расстались по справедливости. На по справедливости при этом стоит ему сказать и спасибо - хотя бы за те самые "Свадьбу" и "Богему", на которые нам удалось взглянуть глазами европеицев. На его место, вернее, на свое место, в свой старый дом идет Марк Эрмлер, и идет уже с иными, чем были у Феранеца, полномочиями. - как музыкальный руководитель театра. Подведет или нет на этот раз чутье хозяина

Но вот с каким васильевским Vfверждением - возвращаясь к нашим премьерам - не поспоришь. так этс с утверждением относительно того, что за новинки этого сезона не стыдно (исключая, может быть, "Мельничиху"). Хотя и гордиться, кажется, особенно тоже нечем. Полуконцертная-полусценическая "Ноомя" преподнесла две "новости", одну хорошую - в Большом есть кому петь белькантовый репертуар, и одну пложую - с крупными артистическими личностями здесь туго. "Франческа", в ксторой соцились и музыкальная удача "от" Андрея Чистякова, и режиссерский пережим "от" Бориса Покров ского, вовсю "шекспиризовывавшего" в общем-то скромное рахма 'ниновское творение, скорее всего, попадет в разряд дежурных опер. которую всегда можно подставить к какому-нибудь одноактному балету. Ярче всего здесь блеснула "Любовь к тоем апельсинам" (Петер Феранец - Питер Устинов --Олег Шейнцис), Качественная, не без европейского лоска и даже не без юмора вещь. Но, во-первых, положа руку на сердце - одолевал ли вас смех на представлении этой комической сказки? Во-втосых, одна удача вще не тенденция. И, в третьих, как выразился один мой многомудрый коллега: в других театрах такая постановка была бы сочтена и вялой, и вторичной, но в Большом она - прорыв к творческим высстам. Эта высств и стала ликом столичного сезона 1997/98. По качеству, то есть гармоничному соединению музыкальной стороны, режиссуры и сценографии, ни один другой спектакль с "Апельсинами" не сравняется. "Мальчишка для битья" Большой и в самом деле оказался всех милее. Правда, в отдельно взятом и не лучшем москонском овасне.

Лариса ДОЛГАЧЕВА